

Библиография

КРАЯ И ПРЕДЕЛЫ

Игорь Кобылин

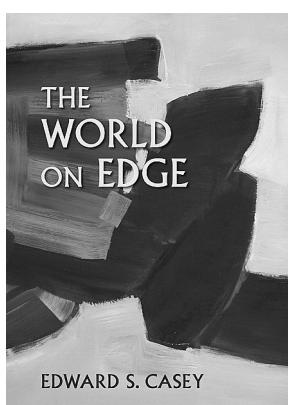
От края до края:

(ПЕРИ)ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКИЕ БЛУЖДАНИЯ
ПО КРОМКАМ МИРА

DOI: 10.53953/08696365_2025_193_3_320

Casey E.S. The World on Edge.

Bloomington: Indiana University Press, 2017. — XXI, 387 p.

Книга «Мир на краю» американского философа Эдварда С. Кейси, несмотря на вроде бы апокалиптически предстерегающее название, посвящена не мировой политике, не экологическим бедствиям антропоцену и не консервативному бичеванию моральной распущенности современного общества — хотя в ней есть место и политическим, и экологическим, и моральным тревогам. Под «краем» автор подразумевает предел, оконечность, внешнюю сторону, границу какого-либо явления или процесса. И речь идет не только о физических вещах, но и о местах, событиях (в том числе и исторических), психических переживаниях и самой психике в целом. В самом начале книги Кейси утверждает: «...Края играют ключевую роль в драме

опыта на всех уровнях — перцептивном, практическом, когнитивном, эстетическом, эмоциональном интерсубъективном» (с. XIII). Философия, занимаясь своими онтологическими и гносеологическими построениями, теряет края из виду — они в прямом смысле оказываются на краю ее внимания. А между тем именно они ответственны за «сборку» мира в качестве артикулированного целого: края определяют идентичность всего явленного, быть предметом опыта — значит иметь границы. И все это многообразие сочленяется друг с другом своими гранями множест-

вом способов, составляя «плоть мира» (Морис Мерло-Понти) — «бытие единичное множественное» (Жан-Люк Нанси)¹, где сингулярности не подавляются, а сосуществуют, объединенные и разъединенные одновременно. «Бескрайний» мир — приблизительное ощущение которого дает нам, например, блуждание в тумане — это в определенном смысле не мир вообще.

Но края и границы всегда парадоксальны: замыкая явление в его внутреннем, они одновременно открывают и навстречу внешнему. При этом наш взгляд, переходя с одного на другое, практически никогда не останавливается на разделяющей их линии. Действительно, края одновременно и абсолютно реальны, и в то же время почти неуловимы — они буквально растворяются в том, краями чего являются. Чтобы попробовать ухватить эту ускользающую от нашего внимания линию раздела, необходима специальная феноменологическая тренировка. Кейси называет свой метод (пери)феноменологией (греч. περί — вокруг, около, о): это такая настройка и фокусировка взгляда², которые позволяют различить находящееся на *периферии* или, вернее, разглядеть и придать должное значение тому, что кажется периферийным, но на самом деле выступает несущей конструкцией человеческого опыта в целом. Такой сдвиг внимания имеет у Кейси и второе название — Логика Меньшего (*Logic of the Less*). «Согласно этой логике, то, что поначалу выглядит не значительным, при более скрупулезном анализе оказывается необходимым для нашего существования и существования других существующих существ» (с. 4).

Однако даже попытка представить себе возможную феноменологию краев вызывает головокружительное чувство бесконечности (а потому и безнадежности) такого предприятия. Ведь существуют и политические границы государств, и личные границы, которые в ходе терапии учат нас выстраивать психолог; и границы возможного опыта, и границы терпения; и рамки картин, и фреймы социальных событий; и пограничные населенные пункты, и пограничные экзистенциальные ситуации; и жировые складки нетренированного тела, с которыми неустанно борются в фитнес-центрах, и «направленная к бесконечности» складка барокко, описанная Жилем Делёзом³ (заданный Кейси ритм перечислений действует почти гипнотически, невольно заставляя воспроизводить его медитативно-списочную манеру). Прямая линия на карте оборачивается неопределенной зоной на местности, авторские заметки на полях подрывают единство произведения, а безграничные просторы космоса — нашу способность представления. Края множатся, переходят друг в друга, гибридизируются. Вместо четко оформленных сущих, занимающих положенные места в (мета)физических таблицах, — мир бесконечного

1 «*Бытие единично и множественно, одновременно неразличимым и различимым образом. Оно единично множественно и множественно единично. <...> Единичное множественное бытие* означает: сущность бытия существует только лишь как со-сущность. Но со-сущность, или со-бытие — бытие-со-многими, — означает, в свою очередь, сущность со- (co-) или еще, и даже скорее, само это со- (сит) в положении или в качестве сущности. <...> ...Если бытие — это со-бытие, в со-бытии именно это вместе и создает бытие, а не прибавляется к нему» (Нанси Ж.-Л. *Бытие единичное множественное / Пер. с фр. В.В. Фурс; под ред. Т.В. Шитцовой*. Минск: Логвинов, 2004. С. 55, 58). Есть искушение представить феноменологические описания краев, данные Кейси, в качестве иллюстрации «бытия-вместе» Нанси, тем более что последний нередко упоминается на страницах книги.

2 Как отмечает сам автор, «Мир на краю» в этом смысле выступает продолжением другой его (пери)феноменологической книги «Мир с первого взгляда» (2007). См.: *Casey E.S. The World at a Glance*. Bloomington: Indiana University Press, 2007.

3 См.: *Делёз Ж. Складка: Лейбниц и барокко / Пер. с фр. Б.М. Скуратова; общ. ред. и послесл. В.А. Подороги*. М.: Логос, 1997.

становления, вызывающий тревогу и бросающий вызов любым попыткам типологизировать его края и грани.

Безгранична пролиферация границ, открывающаяся внимательному (пери)-феноменологическому взгляду, воспроизводится — возможно, несколько иронически — на уровне самой структуры книги. «Мир на краю» поделен на четыре части, каждая из которых, в свою очередь, дробится на небольшие главки (разбитые к тому же на пронумерованные фрагменты) с отдельными интерлюдиями между некоторыми из них. Кроме того, первой и второй части предпосланы самостоятельные предисловия при наличии общего «Вступления» (Prelude) ко всей работе в целом. Но настоящим апофеозом множащихся «краев» является финальная часть — она состоит из единственной главы под говорящим названием «Последний урок: не придавать слишком большого значения краям вещей» и далее оборачивается целым каскадом все никак не могущих завершиться завершений: за последним уроком следуют «Заключение» (Postlude), «Эпилог» и, наконец, формально выходящее за границы четвертой части «Послесловие», несколько неожиданно закольцовданное с предисловием (Afterword / Foreword). Короткое замыкание между содержанием и формой: книга буквально воплотила описываемый ею парадокс бескрайнего моря разнообразных краев и граней.

Эта рефлексивная игра — знак авторского признания нерешаемости задачи обычными логико-метафизическими способами — в то же время, видимо, придает решимости попробовать все же найти некоторый порядок внутри самой сложности, не редуцируя ее: мы прекрасно понимаем, что ветвящаяся сеть границ, рубежей и фронтов не умещается в колонки логических классов, но возможность избежать «таксономического хаоса» (с. 24) у нас все же есть. Первая часть — «Сортируя края» — действительно посвящена попытке разграничить разные виды границ и обозначить края отдельных типов краев. Причем за поддержкой Кейси обращается к Платону, — может быть, самому чуткому к безумию становления философу из всей классической традиции⁴.

Начинает Кейси со вроде бы очевидного случая, хотя уже и здесь, в самом начале, русскоязычного читателя ждет первое (но далеко не последнее!) затруднение лингвистического характера. Поскольку речь идет не о строгой логической классификации на основании родовидовых определений, а о феноменологическом описании живого опыта мерцающего переплетения и взаимодействия явлений, автор во многом следует за интуициями родного языка. Пусть четко очертить спектр значений того или иного термина и не удастся, пусть каждый из них и занимает «туманную нишу» (nebulous niche) в массовом сознании носителей английского, но некоторую общую ориентацию эти термины все же задают. Однако языковые картины мира говорящих по-английски и, например, по-русски отличаются, хотя и не так сильно, как оба этих мира вместе взятые — от коллективных представлений индейцев хопи. И здесь, в опыте чтения иноязычного текста, носитель русского уже сталкивается с границей, — границей, разделяющей концептуализации границ в различных языках.

4 Кейси цитирует диалог «Софист» — то место, где Чужеземец объясняет Теэтету трудности искусства «различать по родам»: «Таким образом, мы согласились, что одни роды склонны взаимодействовать, другие же нет и что некоторые — лишь с немногими [видами], другие — со многими, третий же, наконец, во всех случаях беспрепятственно взаимодействуют со всеми; теперь мы должны идти дальше в нашей беседе, так, чтобы нам коснуться не всех видов, дабы из-за множества их не прийти в смущение, но избрать лишь те, которые считаются главнейшими...» (Платон. Софист (254 с-д) // Платон. Собр. соч.: В 4 т. / Пер. с древнегреч. С.А. Ананьина; общ. ред. А.Ф. Лосева, В.Ф. Асмуса, А.А. Тахо-Годи. М.: Мысль, 1993. Т. 2. С. 325).

Кейси начинает свои размышления с противопоставления *borders* и *boundaries*. И те, и другие передаются по-русски словом «границы». Но первые — это строгие геометрические линии, четко и недвусмысленно отделяющие одну территорию от другой, а вторые — куда более неопределенные, постоянно меняющиеся участки реальной местности, которые всячески «сопротивляются линеаризации» (с. 7). Действительно, где конкретно пролегает граница Южной Калифорнии? Где конкретно лесостепь переходит в степь, а город — в пригород? Есть искушение представить границы-*borders* в качестве картографических — поневоле идеализирующих и упрощающих — презентаций реальных границ-*boundaries*, но, кажется, такое представление само было бы упрощением позиции Кейси. Во-первых, вполне в духе плоской онтологии Кейси утверждает онтологическое равенство идеально-абстрактного и материально-физического: проведенная на карте идеальная линия политических границ государства столь же реальна (именно в своей идеальности), сколь реальны пограничные посты, шлагбаумы и зоны таможенного контроля во всей их материальности. Во-вторых, границы-*borders* не сводятся к картографическим проекциям. Кейси приводит любопытный пример: с высоты птичьего полета Миссисипи будет выглядеть как узкая лента, прорезающая ландшафт. Ее саму можно определить в качестве границы-*border*. Но если вы с этой высоты прыгнете с парашютом, то прямо на ваших глазах эта граница обретет ширину и собственные границы — береговые *линии*, а затем, по мере приближения к поверхности реки, эти линии станут неопределенными, изломанными берегами, то есть границами-*boundaries*. Наконец, оказавшись в воде, вы окончательно потеряете всякие границы, кроме той, что над вашей головой отделяет водную толщу от воздушного пространства.

В-третьих, границы-*boundaries* и сами могут представлять себя на картах, — вернее, могут иметь и других, более близких, чем абстрактные линии, «представителей». Кейси анализирует географическую карту мексиканского штата Чиуауа (1852), где сплошные или пунктирные линии административных делений соседствуют со знаками, иконически воспроизводящими профили ландшафтных особенностей — гор, рек, лесов. В общем, и границы-*borders*, и границы-*boundaries*, «несмотря на их различия, могут соприсутствовать в одном и том же картографическом пространстве» (с. 14).

Но точно так же, как идеально-абстрактные линии нельзя рассматривать в качестве онтологически ослабленной копии материальных пограничных локусов, нельзя и эти последние считать несовершенным и грубым подобием «эйдетической» границы-*border*. То есть ни материалистический, ни идеалистический редукционизм здесь не срабатывает. Поясняя этот момент, Кейси обращается к «Началу геометрии» и «Идеям I» Гуссерля. Неопределенность, изменчивость, текучесть форм, данных непосредственному чувственному созерцанию, это не недостаток по отношению к идеально-математическим фигурам, а позитивное качество⁵.

Таким образом, мы вроде бы имеем дело с двумя строго различающимися, то есть разделенными границей-*border*, порядками — идеально-формальным и текуче-реальным. Но буквально через несколько страниц Кейси пишет, что меж-

5 Ср.: «Геометр не создает, подобно естествоиспытателю, *морфологических понятий*, относящихся к неопределенным видам фигур, которые прямо схватываются на основе чувственного созерцания и именно в такой неопределенности, такими, каковы они на деле, получают понятийную, то есть терминологическую фиксацию. *Неопределенность понятий*, то обстоятельство, что сфера их применения — текучесть, не есть недостаток, за который следовало бы их корить, ибо для той сферы познания, какой они служат, они попросту неизбежны или же они даже в такой сфере единственно правомерны <...>» (Гуссерль Э. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии. Кн. 1 / Пер. с нем. А.В. Михайлова. М.: Академический проект, 2009. С. 220).

ду двумя полюсами — границами-borders и границами-boundaries — «существует неопределенное множество промежуточных пограничных ситуаций (edge situations)» (с. 15), а это значит, что сама граница между типами границ приобретает парадоксальную, противоречивую двойственность.

Несмотря на это — а также на то, что и без того непростое положение дел Кейси тут же усугубляет дополнительным анализом фронтонов, складок (folds), заломов-сгибов (creases), ободков (rims), полей (margins) и других разновидностей краев, — различие между border (четкая оформленность, строгость, точность, структурированность) и boundary (неопределенность, аморфная текучесть, нелинейность) становится метаразличием для всех остальных классификационных различий. Оно очевидно в противопоставлении края (подвижной и изменчивой конфигурации фрагмента реальности) и предела (установленной раз и навсегда формальной границей явления, определяющей его идентичность)⁶, «диких» мест с их неформальной геометрией (чащ, зарослей, пустырей) и окультуренных пространств, четкого телесного силуэта и неуловимых «краев» чувствующей живой плоти, несводимой в своем бытии к физическому объекту. Пользуясь этим метаразличием как путеводной нитью, попробуем пройти несколько отдельных — пожалуй, наиболее важных и показательных — маршрутов внутри этого огромного, кажущегося почти бесконечным лабиринта. Далее речь пойдет о краях-границах (катастрофических) событий, человеческого тела и психики.

Однако прежде чем говорить о событии, необходимо хотя бы кратко остановиться на понятии места — у Кейси то и другое связаны и делят одну главу на двоих («Края мест и событий»). Вообще говоря, Кейси известен прежде всего как философ места: несколько его книг специально посвящены философской истории этого концепта, проблемам картирования и живописного изображения мест⁷. «Место» в «Мире на краю» — это яркая иллюстрация границ-boundaries. Так, автор описывает место, где он живет Нью-Йорке, — дом и ближайшие окрестности, расположенные на 110-й улице, в квартале к западу от мемориала Фредерика Дугласа. Кейси показывает, как оно буквально собирается в реальном опыте фасадами соседних зданий, построенных в различных архитектурных стилях, ритмами автомобильных и пешеходных потоков, игрой солнечного света в течение дня, светофорами, знаками дорожного движения, уличными бордюрами, парковочными счетчиками, всеми окружающими звуками и запахами. Края места — это сложнейшая, изменчивая и в то же время единая сеть гетерогенных краев всех формирующих его объектов и явлений.

Как место, будучи чем-то большим, чем топографическая точка на карте, подрывает однородное геометрическое пространство, так и событие, будучи чем-то большим, чем простая единица рутинизированного жизненного потока, ставит под вопрос линейное гомогенное время. Событие — даже на повседневном уровне — всегда неожиданно, оно вызывает удивление (а если не вызывает, то это не событие, повторяет Кейси вслед за Нанси). Границы события открыты в неизвестное будущее, хотя нечто в уже случившемся определенным образом ориентирует наше ожидание.

6 Читатель может спросить: как вроде бы родовое понятие «край» стало во второй главе первой части книги видовым наряду с «пределом» и какое понятие будет теперь родовым для них обоих? В ответ можно лишь напомнить: в самом начале нас предупредили, что речь не идет о формально-логических построениях.

7 См.: *Casey E.S. Getting Back into Place: Toward a Renewed Understanding of the Place-world*. Bloomington: Indiana University Press, 1993; *Idem. The Fate of Place: A Philosophical History*. Berkeley: University of California Press, 1996; *Idem. Representing Place: Landscape Painting and Maps*. Minneapolis: University of Minnesota Press, 2002; *Idem. Earth-mapping: Artists Reshaping Landscape*. Minneapolis: University of Minnesota Press, 2005.

Но есть события, которые в своем радикальном воздействии трансформируют устоявшийся темпоральный порядок вообще — задают новые временные границы, делят время на «до» и «после», навсегда меняя представления тех, кто эти события пережил, и о прошлом, и о настоящем, и о будущем. Сущность такого предельного, катастрофического события Кейси рассматривает на примере террористической атаки 11 сентября 2001 г. Разрушение башен-близнецов, произшедшее конечно, в качестве датированного события, в потоке мирового времени, обладало и собственной темпоральностью. Кейси описывает ее как апокалиптическое абсолютное сжатие, трагическое уплотнение и сгущение времени в смертоносном мгновении удара. При этом важно, что темпоральность предельного события двухтактна: в посттравматическом переживании время как бы ослабляет свою эсхатологическую хватку и становится временем безграничного горя. Кейси описывает спонтанное траурное шествие на Юнион-сквер 12 сентября, в котором он и сам принял участие. На этом шествии не было ни официального объявления о его начале или конце, ни регламента выступлений, ни самих выступлений, ни лидеров, ни аудитории. Люди медленно и молча шли в спонтанном едином ритме и были готовы идти так неопределенно долго. Но, как подчеркивает Кейси, эта работа траура в самой своей безмерности задавала историческую меру случившемуся. То, что чудовищным образом превышало способность восприятия, становилось исторической памятью, отпечатываясь не только в душах, но и, благодаря коллективному физическому действию, в самих телах.

Тело вообще занимает привилегированное место в книге. Парадоксальность, присущая краям в целом, удваивается, когда речь заходит о краях человеческого тела, — даже само выражение «края моего тела» (*the edges of my body*), как отмечает Кейси, звучит неловко: привычнее говорить о контуре или форме. С помощью диеты и физических упражнений (в крайних случаях — хирургических вмешательств) мы можем попробовать привести эту форму в соответствие с принятыми в обществе нормативными идеалами. Но, во-первых, эти идеалы, скорее, нужно рассматривать в терминах уже обсуждавшихся выше «пределов» (*limits*): субъект добровольно выбирает их в качестве образца, но они никогда не становятся для него полностью «своими». Во-вторых, в подавляющем большинстве случаев изменения не столь радикальны, как хотелось бы, особенно если учесть, что прежняя форма довольно часто берет свое, и сброшенные килограммы вскоре возвращаются на место. Это лишний раз доказывает, что человеческое тело не просто физический объект среди других объектов, легко поддающийся нашим манипуляциям. В-третьих, и это самое важное, коррекция фигуры не затрагивает краев в том феноменологическом значении, в каком они интересуют Кейси. Как бы ни трансформировались очертания моего тела, его края остаются для меня неизменными — это и есть я сам. Конечно, «я» меняется — ребенок становится взрослым, а тот, в свою очередь, стареет — но в той мере, в какой это «я» продолжает говорить о себе как об одном и том же человеке, его изменившемся для внешнего наблюдателя края останутся для самого «я» теми же самыми.

Еще одной странностью является то, что я не могу точно указать, где именно расположены мои телесные края. Они, с одной стороны, несомненны, как несомнен я сам для себя, а с другой — неуловимы. Ни одно из привычных нам понятий — аура, силуэт, профиль, фигура — не схватывают их специфического переживания субъектом. Вернее, той живой, чувствующей и одушевленной плотью, в которую Кейси вслед за Мерло-Понти облекает его (субъекта) гносеологический скелет.

Полнее всего удивительная особенность переживания телесных границ раскрывается в опыте прикосновения — как к самому себе, так и к другому (и в эротическом, и в неэротическом модусах). Кейси так пишет об эффектах самоприкосновения:

Прикосновение к себе — сложный и тонкий процесс. Здесь упрощающая модель взаимодействия по типу «субъект — объект» не в состоянии отразить того, что происходит. А происходит усложнение непосредственной жизни тела, его оборачивание на себя в пассивной и активной модальностях одновременно <...>. Когда я прикасаюсь к себе, я на мгновение отвлекаюсь от окружающего мира, чтобы сосредоточиться на одной из частей моего тела, — той, к которой прикасается другая часть. Один край⁸ прижимается к другому. Здесь нужно говорить не о *partes extra partes* (как говорил Декарт об отношениях между объектами во внешнем мире), а о *partes intra partes*: друг друга чувствуют части одного и того же тела — моего собственного тела, непрерывно оживляемого самогенерирующейся, направленной на него интенциональностью (с. 221—222).

Что же касается прикосновения к другому телу, то и здесь нет простого противопоставления пассивности и активности, хотя нет и абсолютного равенства. Это взаимодействие, но всегда несколько асимметричное. В эротическом опыте (речь у Кейси идет о добровольных отношениях нравящихся друг другу людей) параллельные удовольствия удваиваются, пересекаясь: прикасаясь к партнеру, я испытываю удовольствие и от своего прикосновения, и от ласки в ответ. Но и «взаимодействие вовлеченных реципрокностей» в эротической игре тоже асимметрично: интенсивность здесь напрямую зависит от постоянно переходящей от одного к другому инициативы.

В неэротическом модусе прикосновение играет важнейшую социальную роль — это способ продемонстрировать доверие и привязанность, установить связь, закрепить разделяемую «историчность», под которой Кейси, видимо, подразумевает переживаемую общность конкретных обстоятельств. Он, кажется, совершенно чужд мрачной социологии Элиаса Канетти, писавшего о фундаментальном для человеческой культуры страхе прикосновения⁹. Во всяком случае, ни о каком героическом-трансгрессивном преодолении подобного страха Кейси не пишет, телесная экспрессивность вообще понимается им исключительно позитивно.

Более того, двойное отношение, на которое способно наше тело, — отношение с другим телом и отношение с самим собой, своего рода «двойное членение», — становится, по Кейси, и источником семиозиса:

С одной стороны, я существую внутри самого себя, заключенный в границы моего тела; с другой — всеми своими телесными краями я соотношусь с краями окружающего мира, включая тела других людей. Благодаря этому я пребываю в мире как двойственное существо. Здесь в игру вступает то, что Мерло-Понти красноречиво назвал «гением амбивалентности» тела. Эта амбивалентность одновременно явля-

-
- 8 В оригинале речь идет о «множестве краев» (set of edges). По Кейси, один из парадоксов телесного ощущения края заключается во вложенности частей тела (и их краев) друг в друга. Так, подушечка — это край пальца, палец — край руки, рука — один из краев туловища и т.д. При этом ощущение на кончиках пальцев есть и ощущение в теле вообще.
- 9 «Все барьеры, которые люди вокруг себя возводят, порождены именно страхом прикосновения. Они запираются в домах, куда никто больше не может войти, и только там чувствуют себя в относительной безопасности. Боязнь грабителей проистекает не только из беспокойства за имущество, это ужас перед рукой, внезапно хватающей из темноты. Его повсюду и всегда символизирует рука, превращенная в когтистую лапу. <...> Страх перед прикосновением не покидает нас даже на публике. Манера поведения в толпе на улице, в ресторане, в транспорте продиктована именно этим страхом. Даже когда приходится стоять с кем-то совсем рядом, видеть и ощущать его вплотную, мы стараемся, насколько можно, избежать прикосновений» (Канетти Э. Масса и власть / Пер. с нем. Л. Ионина. М.: Ad Marginem, 1997. С. 18).

ется и интенсивной (то есть обладающей глубинными ресурсами тела как такового), и экстенсивной (способной широко варьироваться в различных ситуациях). Более того, работа по упорядочиванию проживаемых телом вариаций стала возможна благодаря парным структурам (внутреннее и внешнее), парным конечностям (руки и ноги), паре глаз, взаимодополнительности зрения и осязания <...>. Телесные края — это шарниры или стержни (hinges or pivots) коммуникативных и экспрессивных высказываний, те стыки (junctures), где определенные части живого тела могут артикулировать и передавать сообщения, предназначенные не только себе, но и другим человеческим существам (с. 226–227).

Эти стыки, ответственные за семиозис, являются стыками телесного и психического. При всей постоянной текучести психической жизни — потока дoreфлексивных ощущений, сознательных переживаний и мыслей — она также структурирована сложной и подвижной сетью пересекающихся и переплетающихся границ. Будучи темпоральным, этот поток разворачивает свои внешние «края» во времени, непрерывно изменяясь. Однако одновременно он сохраняет идентичность, принадлежность «я». Кейси обращается к хайдеггеровскому понятию *die Jemeinigkeit* — «всегда-мое». Психическая жизнь всегда воспринимается мною как моя собственная, но — и здесь маятник у Кейси возвращается к полюсу множественности — как внутренне дифференцированная, саморазличенная в самой своей самотождественности.

Ткань моей внутренней жизни ткется непрерывным сцеплением самодифференцирующихся краев. Строчка, оставленная этим сцеплением, конституирует меня в качестве другого для себя самого внутри себя самого: не абсолютного расколотого, но живущего в таких внутренних переплетениях, которые бросают вызов любой прямой интуиции того, *что я есть*, и любому утверждению самости (*my mine-ness*) как навсегда данного свойства (с. 242).

Этот баланс единства и множественности может быть нарушен, и тогда «друговость» самому себе прочертит новые — отчуждающие — границы внутри психики. Опираясь на обширную психоаналитическую литературу, Кейси подробно анализирует случай шизоидного «я» (травматические отношения с другими в детстве заставляют субъекта замкнуться, но и внутренняя жизнь оказывается наполнена «плохими объектами»), случай шизофренического «я» (раскол личности, отмена принципа реальности и проницаемость психических границ: с одной стороны, субъекту кажется, что он может управлять миром, с другой — его психика легко оккупируется галлюциногенными «голосами») и случай разделения на ложное и истинное «я» (ложное «я», возведенное субъектом для защиты истинного от разочарования, обретает автономию и захватывает власть над истинным). В деле восстановления психической целостности, по Кейси, вновь должно помочь тело — философ делает ставку на экспрессивную выразительность телесных жестов, этих «герменевтических посредников», связывающих осколки разбитого «я» воедино и уже это новое целостное «я» — с миром.

Завершает Кейси основную часть книги краями Земли и Неба — краями, выходящими за пределы всех знакомых нам границ и пределов и вызывающими в нас странное чувство ностальгии по первоистокам и нашей индивидуальной жизни, и Вселенной вообще. Эта космологическая кода, замыкающая в единый — пугающий и волнующий одновременно — макрокосм человека, Землю и Небеса, проясняет то смутное ощущение чего-то очень знакомого, которое все время усиливалось по мере чтения, но стало окончательно понятным только к ближе к концу. Действительно, универсальный охват всего на свете, медитативные перечисления,

странные, бесконечно ветвящиеся таксономии, с помощью которых пытаются ухватить неуловимое и эфемерное, — все это напоминает ренессансные и барочные трактаты, бесчисленные «Зерцала», «Анатомии» и «Естественные истории» XVI—XVII вв. Даже сам концептуальный интерес к краям можно при желании генеалогически возвести к этим причудливым текстам. Так, если верить Мишелью Фуко, одной из фундаментальных фигур подобия в ренессансной магико-оккультной мысли была фигура «пригнанности» (*convenientia*): «“Пригнанными” являются такие вещи, которые, сближаясь, оказываются в соседстве друг с другом. Они соприкасаются *краями*, их *границы* соединяются друг с другом, и *конец* одной вещи обозначает начало другой. <...> Мир — это всеобщая “пригнанность” вещей (курсив мой. — И.К.)»¹⁰. Да и вторая фигура подобия — «соперничество» — имеет непосредственное отношение к теме Кейси: «Оно («соперничество». — И.К.) порождается сгибанием вещи, оба края которой сразу же противостоят друг другу»¹¹.

Однако общая дотошная внимательность к различиям, и там и там включенная в космологическую перспективу, расходится у Кейси и любого эрудита Возрождения в одном важном пункте (разумеется, помимо всех прочих, обусловленных историей и культурой несходств). Ренессансно-барочная ананкастная зацикленность на упорядочивании никак не упорядочивающегося мира — это и зацикленность на «учености», будь то античная или средневеково-схоластическая: не упустить ни одной цитаты, ни одного автора, ни одного упоминаемого в доксографиях казуса. Хотя в книге Кейси вполне достаточно учености (от Платона до Деррида), его внимание сосредоточено прежде всего на повседневном, доступном каждому опыте. «Мир на краю» можно рассматривать как своего рода практическое пособие по остранению и деавтоматизации нашего восприятия. Настроить периферическое зрение, сместить угол перцепции, занять эксцентрическую позицию *ad marginem* — все это означает вернуть свежесть нашим впечатлениям и нашему переживанию собственного бытия-в-мире. Но ставка здесь не только практико-феноменологическая, но и этико-политическая. В актуальных «не-человеческих» онтологиях свойственной людям сконцентрированности на границах и идентичностях противопоставляется «безграницная» и неидентитарная жизнь других существ. Так, со-автор последней на данный момент книги Кейси¹², Майкл Мардер, полагает, что, в отличие от человеческой и животной, растительная жизнь свободна от *telos*’а и *conatus*’а, лишена всякой интериорности и, следовательно, субъективности: она не проводит границ между собой и Другим, будучи сугубо поверхностной, не отделяет себя от Внешнего и пассивна настолько, что преодолевает саму оппозицию пассивного и активного. Сущность растения — это не-сущность, а самость заключается в не-самости¹³. Мардер справедливо считает, что человеку есть чему поучиться у растения: открывшись навстречу иному способу существования, прикоснувшись к «краям бытия» растений, мы, возможно, сумеем «прорости за пределы фиктивной скорлупы *нашей* идентичности и *нашей* экзистенциальной онтологии»¹⁴.

Но прорости за пределы «скорлупы» не значит полностью от нее отказаться (пусть даже наша «скорлупа» и квалифицируется в качестве «фиктивной»). Более

10 Фуко М. Слова и вещи: археология гуманитарных наук / Пер. с фр. В.П. Визгина, Н.С. Автономовой. СПб.: A-cad, 1994. С. 55.

11 Там же. С. 57.

12 Casey E.S., Marder M. Plants in Place: A Phenomenology of the Vegetal. New York: Columbia University Press, 2023.

13 См.: Мардер М. Растительное мышление: философия вегетативной жизни / Пер. с англ. Д. Шалагинова. М.: Ад Маргинем Пресс, 2024.

14 Там же. С. 29.

того, даже рискуя быть обвиненным в корреляционизме, стоит напомнить, что возможность прикоснуться к краю иного способа бытия доступна только тому, кто в принципе чувствителен к «упорной реальности краев» (с. 20). Научиться чему-то у другого — значит признать этого другого в его границах, сколь угодно нечетких и зыбких. В этом смысле внимание к многообразию сложно артикулированных пределов, рубежей и фронтов остается человеческой привилегией — но такой привилегией, синонимом которой должна стать не произвольная суверенность господства, а этико-политическая ответственность бытия-вместе.

Евгений Савицкий

По разные стороны от border studies:

СПОРЫ О ПОДХОДАХ К ИССЛЕДОВАНИЮ
ГРАНИЦ И ПОГРАНИЧЬЯ

DOI: 10.53953/08696365_2025_193_3_329

A Companion to Border Studies / Ed. by T.M. Wilson, H. Donnan.

Malden; Oxford; Chichester: Wiley-Blackwell, 2012. — XVI, 620 p. —
(Blackwell Companions to Anthropology; Vol. 19).

Border and Bordering: Politics, Poetics, Precariousness /

Ed. by J. Sarkar, A. Munshi; With a Foreword by B. Ashcroft.

Stuttgart: ibidem, 2021. — 383 p.

«Эта книга — сборник статей, представляющий взгляды на то, откуда появились исследования границ и куда они направляются, — отражает современное состояние исследований границ, или, лучше сказать, современные состояния исследований границ», — пишут Томас Уилсон, профессор антропологии в Университете штата Нью-Йорк, и Хастингс Доннан, профессор антропологии в Университете Квинс в Белфасте, во введении к составленному ими «Путеводителю по исследованиям границ» (с. 1–2)¹. Чуть ниже они поясняют свое уточнение: «Исследования границ

1 Уилсон и Доннан подготовили целый ряд сборников по исследованиям границ и пограничья: *Border Approaches* / Ed. by H. Donnan, T.W. Wilson. Lanham: University Press of America, 1994; *Border Identities: Nation and State at International Frontiers* / Ed. by T.M. Wilson, H. Donnan. Cambridge: Cambridge University Press, 1998; *Culture and Power at the Edges of the State: National Support and Subversion in European Border Regions* / Ed. by T.M. Wilson, H. Donnan. Münster: Lit, 2005 и др. Их собственное недавнее исследование касалось изменений в культурной идентичности ирландцев в связи с интеграцией в ЕС и изменением характера границы между Республикой